

Все помнят ставшую расхожей мысль великого писателя, что все счастливые семьи похожи друг на друга, а несчастливы каждая по-своему. В нынешних своих судьбах многие оперные театры — своеобразные огромные семьи — и несчастливы порой одинаково. Да, в счастье знаменитые сцены мира купались в лучах всепланетной славы, в волнах экономического благополучия, в море артистических талантов. Но прошло время, и, увы, они стали похожи и в своих бедах: нехватка средств, необходимость срочной реставрации, а то и перестройки, вынужденные ходатайства, прошения, а подчас и хождения с "протянутой рукой". Сегодня мы хотим познакомить вас с материалами, в которых рассказывается о проблемах, стоящих перед двумя известнейшими театрами Западной Европы. Речь о миланской Ла Скала и лондонском Ковент-Гардене. Однако, как нам кажется, некоторые из этих проблем отчасти похожи на те, что встали перед нашим родным ГАБТОм. А потому мы сочли необходимым побеседовать о ситуации в Большом театре с его исполнительным директором Владимиром КОКОНИНЫМ.

ПАРАЛЛЕЛИ

Большой театр.
Кто его хозяин:
город, страна, народ?

Да, точно подмечено, что эти несчастья, а вернее, трудности и заботы, одинаково и одновременно пали на наши головы, — говорит Владимир Михайлович. — Потребность в модернизации испытывают сейчас самые знаменитые театры, которые уже не один век считаются украшением мировой культуры. Каждая страна решает эти совсем непростые вопросы по-своему. В Новом Свете, я имею в виду Соединенные Штаты Америки, поступили кардинально: решительно снесли старое (не очень старое по нашим меркам) здание Метрополитен-опера и возвели великолепный Линкольн-центр. О положении в Милане и Лондоне рассказывают ваши корреспонденты. Так что же сказать о судьбе всем нам дорогого ГАБТа, любовно называемом просто Большим?

Вставшая перед нами задача его реконструкции, обновления и расширения комплекса — это не про-

сто каприз, не спонтанное желание делать, как все, а четкая историческая необходимость: надо думать о том, каким театр войдет в XXI век.

Начну с конца. У Большого театра всегда, точнее, до последнего времени, было две площадки, то есть две сцены — основная и вторая: сначала это было здание, где до 1924 года находился оперный театр Зимина, ныне там Театр оперетты. Затем в роли второй сцены стал выступать Кремлевский Дворец съездов (в котором, честно говоря, трудно осуществлять наши постановки). Однако сегодня наш коллектив работает лишь в одном здании. А коллектив этот огромен, пожалуй, самый большой среди подобных — две с половиной тысячи человек, из них около тысячи — артисты. Согласитесь, это гигантский творческий потенциал. Терять его никак нельзя. Несмотря на все трудности, мы сознательно сохраняем оперную и балетную труппы в их полном составе и ждем, когда же сможем использовать их на полную мощность. Сокращаться мы просто не имеем права: нельзя уменьшать репертуар, которым всегда был знаменит ГАБТ. Вы можете представить себе афишу с нашей эмблемой без "Бориса Годунова" и "Лебединого озера", "Евгения Онегина" и "Щелкунчика", "Пиковой дамы" и "Жизели"? Но и держаться только на классике накануне третьего тысячелетия разве позволительно? Однако экспериментировать, обновлять, модернизировать репертуар нам пока и думать нечего. Это физически негде делать.

Поэтому потребовалось принять решение такой сложности, от которого захватывает дух, но не выполнить которое мы не имеем права. Мы пошли по пути создания нового театрального комплекса, рассчитанного на долгие-долгие годы. Проект реконструкции ГАБТа объемный, но выполним. Это техническое преобразование, создание новой инфраструктуры, возведение нового вспомогательного комплекса. Все это сложные инженерные сооружения, которых пока нет в Европе. Я имею в виду их размах, качество и уровень. Понятно, что дело это очень непростое: ведь наше знаменитое здание стоит в самом центре столицы. Представляете, как земля Театральной площади "нашигована" различ-

ными коммуникациями, да и участь соседних домов, не менее важных для Москвы, нельзя не учитывать. Короче, проблем не куча — гора!

Взять хотя бы одну из них: финансирование. Решается она очень медленно, хотя в масштабах страны нам нужно не так уж и много: 280—300 миллионов долларов. Оговорюсь, что это по смете трехлетней давности. И здесь встает вопрос — чьи мы? Миланская Ла Скала принадлежит муниципальным властям и ждет помощи от города. Ковент-Гарден — опера королевская, находится на особом положении и может рассчитывать на монаршие милости. А мы считаемся театром президентским, правительственным: самые важные государственные торжества, как вы знаете, проводятся в нашем зале, самые важные гости сидят в нашей главной ложе. Но для федеральных структур мы, увы, не на первом месте. А что город, спросите вы, чьим украшением свыше двух веков является наш театр? Он отвечает: не мы ваши хозяева. Может быть, поэтому неизвестно, кто же конкретно должен о нас заботиться?

Сейчас, когда великий праздник юбилея Москвы уже позади, когда заблестели золотые купола храма Христа Спасителя и похорошели улицы города, мы стали жить надеждой, что вот теперь дойдет черед и до нас. Вероятно, что и ваши читатели согласятся с нашим мнением: не должно быть более престижной стройки в столице, чем реконструкция Большого театра.

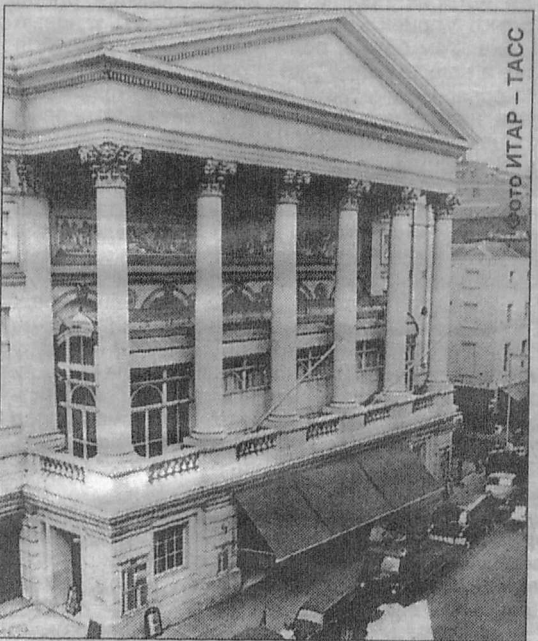
А пока театр начал свой 222-й сезон. Подумайте, ведь это более четверти срока той жизни, что прожила наша столица. И представить ее без величественного здания с колесницей Аполлона абсолютно невозможно. Не правда ли?

Беседу вела Марина ШАШКОВА

Ковент-Гарден.
Реальная подоплека
"щедрости"

Не прошло и нескольких недель с момента закрытия здания Ковент-Гардена, как разразился скандал, поставивший под вопрос материальное положение театра и даже его дальнейшую судьбу и существование. Мы уже писали, что предстоит реконструкция знаменитой сцены. Фасад здания, вы-

полненный в лучших традициях викторианской архитектуры, не должен претерпеть значительных изменений. Зато будет полностью заменено все техническое оснащение сцены, все механизмы, служившие верой и правдой с 1858 года, а также электрооборудование, установленное в 1901 году. Будет улучшена планировка внутренних помещений, сделано все, чтобы зрители чувствовали себя удобно и комфортно. На это уйдет два года и 214 миллионов фунтов стерлингов — такова общая стоимость проекта.

Казалось бы, все решено, все согласовано. И вот — новые волнения. Председатель исполнительного совета Королевского оперного лорд Чадлингтон был вынужден объявить, что в ходе аудиторской проверки обнаружена основательная прореха в бюджете театра — 5 миллионов фунтов стерлингов. Единственное спасение — немедленное финансовое "вливание".

Но мир не без добрых людей. Материальная помощь пришла со стороны наиболее верных покрови-

телей Ковент-Гардена: лорд Сэйнсбери и Вивьен Даффилд предоставили 2 миллиона фунтов. "Доноры не оставили сомнений, что внесенные деньги являются лишь временным заемом, который они намереваются получить обратно не позже 2000 года," — отметил Чадлингтон. — Однако они обеспечили нас необходимым "притоком кислорода", чтобы опера смогла в дальнейшем подняться на ноги и упрочить свое финансовое положение".

Через несколько дней тот же Чадлингтон объявляет, что твердо намерен "изменить общую организационную систему, чтобы сделать Ковент-Гарден доступным для более широкой аудитории. По его мнению, надо "предпринять все, чтобы добиться безусловного признания оперы со стороны широких масс" — в частности, транслировать спектакли по национальному телевидению. Во-вторых, не менее важным пунктом в "восстановительной" программе театра является безусловное понижение стоимости билетов на большую часть представлений и шоу.

Примечательны аргументы, которые выдвинул досточтимый лорд в пользу такой коренной реформы. По его словам, у театра есть "моральный долг" перед публикой за те 15 миллионов фунтов стерлингов, которые ежегодно безвозмездно поступают на счета Ковент-Гардена в качестве государственных дотаций. "Наша основная задача — изменить ситуацию, при которой деньги налогоплательщиков расходуются для удовольствия привилегированного меньшинства — тех, кто может позволить себе весьма дорогостоящие билеты в театр", — заметил, в частности, лорд Чадлингтон.

Но примерно в то же самое время в лондонской прессе появились факты, вскрывшие реальную подоплеку "щедрости" театральной администрации. Вслед за 2 миллионами фунтов от "добрых людей" были получены еще 3 миллиона фунтов в счет реализации билетов на предстоящий летне-осенний сезон Ковент-Гардена, что позволило "заделать" зияющую бюджетную дыру. Однако скрыть то, что 78 миллионов фунтов на реконструкцию из благотворительного фонда Национальной лотереи почти сразу же пошли на уплату жалования театральной труппе и остальному персоналу, оказалось невозможным.

Билеты на балетные представления пользуются очень низким спросом — заполняются лишь четверть зала. К сожалению, в данном случае плохую услугу труппе оказала репутация сцены театра "Лэббэт аполло", на которой сейчас выступает Королевский балет после закрытия своего основного здания.

"Зал в лондонском "Лэббэт аполло" не очень хорош", — сказала корреспонденту ИТАР-ТАСС одна поклонница оперного и балетного искусства. В ином положении находится оперная труппа — она переехала в знаменитый центр искусств Барбикан, кассы которого продают более 60 процентов билетов.

На этом фоне, естественно, радеение лорда Чадлингтона о нуждах простой публики выглядит, скорее, как попытка "сохранить хорошую мину при плохой игре". Той же точки зрения придерживается и член парламентского комитета, разбиравшего "дело" Ковент-Гардена, лейборист Джералд Кауфман, который обвинил председателя театра в "не имеющей прецедентов наивности". А необходимым импульсом, подтолкнувшим руководство к столь неординарным мерам, стал "добрый совет" министра по делам национального наследия Криса Смита "сделать оперу народным видом искусства путем удешевления билетов на спектакли".

Что же станет с легендарным Ковент-Гарденом, сказать наверняка вряд ли кто решится. Неоспоримо одно — в начале осени в парламенте состоится повторное слушание, где и будет решена судьба британской "колыбели искусства". Администрации остается два варианта решения проблемы: заручиться доверием очередного спонсора, радующего, скорее, о национальной культуре, чем о своем кошельке, либо сделать так, чтобы в зале было побольше публики. Ну как тут не вспомнить о знакомой всем россиянам "палочке-выручалочке" — коллективных культпоходах. Может, и англичанам не помешал бы наш полезный опыт...

Алексей КАЧАЛИН

лондон

Ла Скала.
Играть, пока
не рухнет потолок

Итальянские меломаны могут спать спокойно. Прославленный миланский оперный театр Ла Скала не спешит закрываться на реставрацию. Не погаснут на долгие годы его хрустальные люстры, не опустеет уютный и элегантный зал в красном бархатном убранстве. "Мы будем играть, ставить новые спектакли, вести наш театр в третье тысячелетие", — заявил на недавней пресс-конференции

главный дирижер Ла Скала Риккардо Мути. И добавил: "2001 год мы встртим в этом зале, если, конечно, потолок не свалится нам на голову".

За шутилой репликой maestro кроется вполне серьезное беспокойство по поводу технического состояния здания театра и, главное, — его сцены, испытывающей поистине титанические перегрузки, как следствие новаторских экспериментов и грандиозных постановок, как грустный итог всей его истории, насчитывающей уже два с лишним века.

Здание театра, построенное в 1778 году архитектором Джузеппе Пьермарини на месте, где когда-то стояла церковь "Санта Мария делла Скала" ("Святая Мадонна у лестницы" — куда она вела, эта лестница, сейчас уже никто не помнит), внешне довольно невзрачное. Это типичный пример неоклассического зодчества: выступающий вперед корпус с тремя нижними арками, балюстрада и по всему фасаду — окна, разделенные двойными колоннами. Грязно-желтая краска местами облезла, и весь театр как бы врос в асфальт под насмешливым взглядом возмущающегося напротив него на пьедестале великого Леонардо. Строительство финансировала императрица Австрийская Мария-Тереза. Театр открылся 3 августа 1778 года оперой Антонио Сальери "Признанная Европа". (Кто знает, может, именно в благодарность за этот вклад итальянского композитора в Миланском дворце правосудия недавно состоялось заседание суда, где разбиралось "дело Сальери". Было официально доказано — усилиями экспертов, музыковедов и адвокатов, — что Сальери не отравил Моцарта! Миланский суд таким образом подтвердил бессмертную формулу Пушкина о том, что гений и злодейство — две вещи несовместные!)

Как всякий нормальный театр, Ла Скала — живой организм, им управляют люди, которым ничто человеческое не чуждо. Отсюда множество проблем и даже конфликтов. Забастовки в миланском оперном стали в последнее время настолько частым явлением, угрожающим нормальному функционированию театра, что сам вице-премьер итальянского правительства Вальтер Велитрони, ведающий вопросами культуры, пригрозил принять специальный декрет, ограничивающий право "ласкальцев" на за-

бастовку. До этого, правда, дело не дошло — удалось договориться на профсоюзном уровне. А то ведь ситуация и в самом деле была из рук вон: то бастуют пожарные, то осветители, то хористы, то музыканты оркестра. Надолго останется в памяти, например, вечер в Ла Скала, когда поставили "Травиату". В последний момент выяснилось, что решили бастовать оркестранты. Как быть, ведь театр уж полон; ложи блещут...? И тогда на просцениуме появляется maestro Мути. Он извиняется перед зрителями и сообщает, что труппа будет играть "Травиату" без сопровождения оркестра (который не явился!), под аккомпанемент фортепиано. За роялем — сам Риккардо Мути. Желавшие могут покинуть зал и получить деньги (немалые) в окошечке кассы. К чести миланцев, ни один человек не встал и не вышел. Подняли занавес, на сцену выкатили черный "стейнвей". Певцы в роскошных костюмах и в париках полукругом, как на концерте художественной самодеятельности в сельском клубе, встали у рояля. Хор толпился поодаль. И началось. "Они пели божественно, а Риккардо Мути играл, как Рихтер", — написал потом критик миланской газеты "Коррьере делла сера".

К проблемам организационным добавляются сложности юридические. Театр на перепутье, он меняет статус. Объявлено о предстоящей приватизации Ла Скала: из "государственного автономного предприятия" театр становится акционерным обществом "с государственным участием". Это большая разница. Одновременно принимается принципиальное решение о реставрации театра — вынужденное, но, конечно, необходимое. Говорили, что она начнется осенью 1997 года. Однако новая городская администрация, пришедшая к власти нынешним летом, решила по-другому: театр продолжит работу до тех пор, пока не войдет в строй концертный зал "Аудиториум", строительство которого должно начаться на месте бывших заводских корпусов компании "Ансальдо". Так решил мэр Альбертини, а театру осталось только подчиниться и продолжать играть роль главного музыкального центра страны.

В перспективной афише театра — три сезона, отделяющие нас от грядущего тысячелетия. Уже известны премьерные спектакли, которыми эти сезоны будут открываться. "Макбет" Верди (1997), "Гибель богов" Вагнера (1998), "Фиделио" Бетховена (1999).

В этом году сезон начался с опережением сроков, уже 19 сентября прозвучала "Лючия ди Ламмермур" Донизетти. Затем последуют "Фальстаф" и "Травиата" Верди, упомянутый уже "Макбет" (в постановке английского режиссера Грэма Вика) и рождественский концерт оркестра Ла Скала под управлением Риккардо Мути. В афише значатся также произведения современных композиторов — Нино Роты и Лучано Берго, постановка "Войны и мира" Прокофьева под управлением Валерия Гергиева, частого гостя и давнего друга Ла Скала.

Галина СЛУЦКАЯ

МИЛАН-РИМ